

Игнатий Потапенко

Полковник в отставке

Записки старого студента

Игнатий Потапенко
Полковник в отставке

«Public Domain»

1899

Потапенко И. Н.

Полковник в отставке / И. Н. Потапенко — «Public Domain»,
1899 — (Записки старого студента)

«На воротах красовалась жестяная дощечка, на которой был обозначен участок, а также упомянуто и то обстоятельство, что дом принадлежит полковнику в отставке Казимиру Ивановичу Протасову.»

Игнатий Николаевич Потапенко Полковник в отставке

Это был странный дом... Он и стоял как-то посредине двора, не примыкая к улице, отделённый от неё деревянным забором с острыми шпиками. Калитка всегда была отперта, даже ночью. Все двери, которых было столько же, сколько стран света, были обыкновенно отворены настежь, и только во время зимней стужи их старались затворять, что, благодаря обилию входящих в этот дом, не всегда удавалось.

На воротах красовалась жестяная дощечка, на которой был обозначен участок, а также упомянуто и то обстоятельство, что дом принадлежит полковнику в отставке Казимиру Ивановичу Протасову. Он стоял в отдалённой части города; во все места от него было далеко. И тем не менее, никогда в нём не ощущалось недостатка в посетителях.

И посетители были большею частью всё одинакового типа. Всё это были молодые люди в более или менее сомнительных одеждах, лица попадались с бородами и совсем юные; нередко являлись сюда и молодые женщины в круглых шапочках, в пледях, иногда в очках. И все проходили через узенькую калитку с необыкновенно уверенным видом и так же смело входили в дом. В доме они здоровались друг с другом, но нигде не отыскивали хозяина и тотчас же начинали вести себя, как в своей квартире.

Самая обстановка комнат могла непривычного человека привести в недоумение. В каждой комнате непременно встречался диван, в некоторых стояли кровати, были также столы и стулья, но никаких излишних украшений ни по углам, ни на стенах.

Я был ещё очень молодым студентом, когда впервые вошёл в этот дом. Однажды мне пришлось выразить моему товарищу Варягину, уже довольно давнему студенту, мысль, что я затрудняюсь насчёт обеда, так как у меня в тот день не было денег.

– Так пойдём к полковнику! – сказал он мне просто.

– К какому полковнику? – спросил я.

– Как к какому? Ты не знаешь полковника?

– Нет... То есть, я знаю многих полковников, но что же из этого?

– Но ты не знаешь полковника Протасова, Казимира Ивановича?

– Первый раз слышу.

– Ну, это всё равно. Так мы и пойдём к нему.

– Но как же я пойду, если я с ним не знаком?

– С кем? С полковником? Да с ним не надо быть знакомым.

– Не понимаю.

– А увидишь – поймёшь. Уж это такой особенный дом. Туда все ходят, кто хочет, вся наша братия...

Я колебался, но Варягин убедил меня. Сейчас после лекций, прямо из университета мы и пошли. Меня удивило уже то, что по дороге к нам присоединились ещё двое студентов старших курсов, которые тоже шли к полковнику.

Путь был не короткий, но, наконец, мы дошли и, пройдя довольно обширный двор, очутились сперва в сенях, затем в комнате. Здесь было шумно, слышались разные голоса, а когда я огляделся, то заметил много знакомых; всё были студенты, между ними две-три дамы, но никого не заметил я такого, кого можно было бы принять за хозяина.

– А! – встретили меня несколько голосов, – наконец-то, и вы пришли!

Всё это меня удивляло и было пока необъяснимо. Но вот раскрылась двустворчатая дверь, которая вела в ряд довольно больших комнат, очень похожих на ту, где были мы. Оттуда появился человек среднего роста, со значительным брюшком, с толстыми щёками и толстым

носом, со всеми признаками доброты; губы его улыбались, и он промолвил, обращаясь, по-видимому, разом ко всем:

– А у вас весело... Я слышу, что здесь народ, вот и сам вышел повеселиться...

Все тотчас же обратились к нему – кто подавал руку, кто говорил приветствие. Все, очевидно, были с ним знакомы, только я стоял несколько в стороне и чувствовал себя неловко; но Варягин выручил меня; он взял меня за руку и подвёл к полковнику.

– Новичок! – сказал он. – Позвольте представить вам, полковник.

– А, вот и отлично! Милости просим. Надеюсь, такой же милый, как и все.

Я хотел что-то сказать, но мне это не удалось, потому что полковника уже заняли чем-то другим.

Это было часов около трёх дня. Я заметил, что многие выходили из комнаты и затем, через некоторое время, возвращались с чем-нибудь съестным. Тот тащил на тарелке бифштекс, другой стакан кофе, затем они садились за один из столов, ели или пили, продолжая беседовать. Всех было здесь душ до десятка.

Я спросил у Варягина:

– Объясни, ради Бога, где мы? Что всё это значит? Куда они ходят? Откуда берут кушанья?

– Ах, да, чёрт возьми, – спохватился Варягин, – я совершенно забыл, что ты голоден. Пойдём!

Мы вышли во двор и, пройдя порядочное расстояние, остановились у небольшого флигелька, к которому примыкал другой, ещё меньший. Варягин объяснил мне:

– Чему ты тут удивляешься? Полковник, просто-напросто, добрейший человек, ему скучно, он любит молодёжь, живёт, как видишь, просто, любит, чтоб вокруг него был шум, говор, симпатичные лица. У него есть средства, он одинок или, по крайней мере, живёт один. Где-то у него есть семья, но он, кажется, в разладе. Ему доставляет удовольствие, когда голодный у него насыщается, или тот, кому холодно, греется у него в квартире. Я, помню, как-то с неделю ночевал у него, когда потерял урок. и мне негде было спать. Другие делают то же самое... У него здесь пол-университета перебивало. Как видишь, всё здесь очень просто. Прислуги нет. Кто хочет добыть себе что-нибудь, тот отправляется. сам. Вот этот флигель, это – кухня. Мы сюда и зайдём...

Мы вошли в кухню; Варягин, как старый знакомый, обратился к толстой краснощёкой кухарке, по фигуре очень напоминавшей самого полковника, с таким же добродушным лицом, толстым носом и влажными глазами, – и добыл мне тарелку щей и кусок мяса, Он же помогал мне тащить всё это в дом. Здесь я расположился за столом, рядом с кем-то другим, который делал то же самое, – и пообедал.

Полковника. теперь уже здесь не было, но его исчезновение ничего не изменило. Я просидел здесь, пока не стало смеркаться, и затем ушёл к себе.

В другой раз я зашёл сюда утром и застал на столе большой самовар; вокруг него сидело порядочное общество, и все пили чай.

– А, самый молодой! – узнал меня полковник и усадил рядом с собой.

Тут, сидя очень близко от него, мне пришлось сделать открытие: от полковника пахло алкоголем. Это меня удивило тем больше, что в доме я никогда не видел ни пива, ни вина, ни водки. В этот же раз я впервые увидел старого слугу полковника Терентия. Эта личность появлялась среди нас очень редко. Он сидел постоянно в своей конуре и усердно молился Богу. Он никому из молодёжи не служил и был со всеми запанибрата. Служил он только полковнику, и служба его была очень несложная. Она вся заключалась в том, что Терентий чистил ему сапоги, набивал трубку и следил за тем, чтобы гардероб был в порядке; убирала комнаты и мыла полы кухарка.

Ещё раз три я побывал у полковника, и затем, – сам не знаю, как это случилось, – я заметил, что с полковником у меня установились особые отношения. Ни с кем он не был так ласков, как со мною. Когда я приходил, он всегда издавал радостное восклицание, усаживал меня около себя и старался занять чем-нибудь. А однажды он попросил меня зайти к нему вечером. Вечером редко кто к нему ходил. Он иногда целые часы просиживал один и, должно быть, очень скучал. Я исполнил его просьбу.

– Не знаю, за что я полюбил тебя! – говорил он мне (он всем говорил "ты" – и мужчинам, и дамам). – Приходи же ко мне почаще, только вечером приходи, а то мне иногда жутко становится, когда всё один да один...

Я стал нередко проводить у него вечера. Обыкновенно в это время выползал из своей конуры и Терентий. Так как я пользовался особым расположением полковника, то и Терентий считал возможным снизойти до меня и оказывал мне некоторые услуги, например – наливал и подавал мне чай.

На сцену являлась шахматная доска, полковник брал меня за плечи и усаживал в кресло, а сам садился напротив. Я очень плохо играл в шахматы. Полковник немного лучше меня. Но всё же ему ничего не стоило всякий раз устраивать мне мат. И это доставляло ему искреннее удовольствие.

Довольно часто во время игры он как-то таинственно подымался, причём лицо его делалось каким-то постным, как у человека, который собирается совершить маленький грех и хочет скрыть это, – и он говорил:

– Одну минутку, голубчик, я сейчас!..

Он уходил тогда в свою спальню, и там раздавался непонятный для меня шум дверец небольшого шкафчика, который был вделан у него в стене. Повозившись там с минуту, он возвращался как бы обновлённый, – глаза у него блестели, язык развязывался, он начинал надо мной подшучивать, более шумно передвигал фигуры на шахматной доске и более громко выражал торжество по случаю своей победы надо мной. Все эти незначительные признаки давали мне некоторое объяснение его таинственному занятию в спальне. Но если я ещё мог сомневаться, то довольно откровенный аромат коньяка, который после таких эпизодов окружал голову полковника, разъяснял мне всё. Полковник, очевидно, систематически выпивал и чувствовал потребность постоянно поддерживать в себе повышенное настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.